

ВСАДНИКИ-ТАРЕНТИНЦЫ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ АРМИЯХ

В период эллинизма распространился новый вид конницы, получивший тогда же наименование «тарентинцы» (Ταραντίνοι). История этого вида легкой конницы не привлекала пристального внимания исследователей, поэтому бесполезно будет обратиться к данному сюжету. Согласно античным «Тактикам», «тарентинцами» в широком смысле слова именовались конные воины с метательными копьями, а узком смысле – метатели, не переходящие к бою в рукопашную (Asclep. *Tact.* 1. 3; Ael. *Tact.* 2.13; Arr. *Tact.* 4.5–6). Само название «тарентинцы» указывает на происхождение данного вида конницы из Тарента – спартанской колонии на берегу современного залива Таранто, основанной в конце VIII в. до н. э. Поскольку колонии обычно копировали институты метрополии, то можно было бы предположить, что и данный вид конницы имел спартанское происхождение. Однако спартанцы никогда не славились своей конницей, поэтому подозревать дорийское происхождение данного не стоит. Всадники появились в Спарте в 424 г. до н. э. (Thuc. IV.55.2). Наименование же отряда из 300 отборных спартанцев – ἰππέες – говорит о том, что они некогда были всадниками или, по крайней мере, верховыми гоплитами, у которых в ходе исторического развития лошади исчезли (Strabo. X.4.18)¹. Совершенно очевидно, что происхождение конницы тарентинцев имело местные италийские истоки.

Страбон (VI.3.4), описывая древнее могущество Тарента при демократической системе правления (IV в. до н. э.), указывал, что горожане «выставляли пешех тридцать тысяч, всадников же три тысячи, а гиппархов – тысячу». Пропорция соотношения конницы и пехоты 1 : 10 выглядит вполне обычной для греков. Вспомним, что контингент, предоставленный тарентинцами спартанцу Клеониму в 303 г. до н. э., имел такое же соотношение: 20 000 пехоты и 2000 всадников (Diod. XX.104.2). Однако этого же нельзя сказать о количестве конных начальников-гиппархов, каждый из которых, получается, командовал тремя всадниками, – слишком маленьким числом для тактического и даже для административного подразделения! А. Альфельди, указывая, что гиппархов была тысяча – традиционное для греков количество правящих олигархов – полагал, что речь идет о всадниках, набранных из высшей знати, откуда и произошло их название². П. Виемье считал, что ключ к пониманию статуса этих гиппархов лежит в пояснении Гесихия: «Тарентинцы: так называются некоторые всадники. А другие [авторы так называют] копьеметателей или легких всадников, как и

¹ Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Camb., 1973. P. 94.

² Alföldi A. Herrschaft der Reiterei in Griechenland und Rom nach dem Sturz der Könige // Gestalt und Geschichte. Bern, 1967. S. 37; ср.: Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 B. C. to 146 B. C. Goring-by-Sea, 1982. P. 10.

гиппарх» (Ταραντίνοι ἵππεις τινες ὀνομάζονται. οἱ δὲ τοὺς ἀκουτιστάς, ἢ τοὺς ψιλοὺς ἵππεις, ὡς καὶ Ἴππαρχος – Hesych. s. v. Ταραντίνοι).

Согласно корректуре текста А. Мейнике, в данном пассаже предполагается исправление: «которые и гиппархи». Это позволяет французскому исследователю говорить о том, что речь у Гесихия шла о двух видах тарентинцев, упомянутых в «Тактиках»: собственно дротикометателях и ἐλαφροί, которые переходят к бою врукопашную³. Причем последние, согласно Асклепидоту (*Tact.* 1.3), могли использовать вооружение как легко-, так и тяжеловооруженных всадников. Естественно, полное снаряжение кажется более обычным для конной знати⁴.

С другой стороны, слова «как и Гиппарх» вполне можно понять и без какой-либо корректуры: Гесихий ссылается тут на мнение какого-то авторитетного в античности автора. Из знаменитых персон, носивших данное имя, которые оставили известные в древности сочинения, где могли упоминаться по какому-то поводу тарентинцы, это мог быть автор древнеаттической комедии (V в. до н. э.), ученик и душеприказчик Аристотеля или же знаменитый астроном и географ из Никеи (II в. до н. э. – *Suda.* s. v. Ἴππαρχος. 1–3). Естественно, более вероятно, что данное упоминание, как по времени жизни, так и по сюжету могло присутствовать у последнего Гиппарха.

Изображение всадника стало популярным сюжетом на монетах Тарента с середины V в. до н. э. В последней четверти V – первой четверти III в. до н. э. на них встречается обнаженный всадник-атлет с небольшим круглым щитом и одним-двумя дротиками в левой руке, который спрыгивает налево с коня⁵. Вольтижировка обнаженного юноши на коне, спрыгивание его с животного – сюжет весьма популярный в итальянском искусстве, что, видимо, свидетельствует о распространении такого рода упражнений⁶.

В середине IV – первой четверти III в. до н. э. на монетах показан другой тип обнаженного всадника иногда в аттическом (?) шлеме с султаном, вооруженного более крупным круглым щитом и тремя копьями, два из которых воин держит в левой руке, а одно – в правой⁷. В самом деле, согласно Арриану (*Tact.* 4.6) и Элиану (*Tact.* 2.9), у тарентинцев было, по крайней мере, два *доратиона*, а для ближнего боя – длинный всаднический меч-*спата*. На других монетах последней трети IV – первой четверти III в. до н. э. можно увидеть всадника в шлеме с гребнем, скачущего влево, прикрывающегося гоплитским щитом, на котором изображен дельфин или звезда; этот всадник несет два ко-

³ Wulleumier P. Tarente des origines à la conquête romaine. P., 1939. P. 187.

⁴ Head D. Op. cit. P. 10.

⁵ Evans A. J. The "Horsemen" of Tarentum // The Numismatic Chronicle, and Journal of the Numismatic Society. 3 Series. 1889. Vol. 9. Pls. II.6–8, 10; III.5, 9, 14; VII.5–6, 9–10; IX.12, 13.

⁶ Alföldi A. Op. cit. S. 25–26; Frederiksen M. W. Campanian Cavalry: A Question of Origins // Dialoghi di archeologia: Revista quadrimestrale. 1968. Anno 2. № 1. P. 15–19; Sekunda N. V. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 B. C. Dewsbury, 1995. Vol. 1. P. 20.

⁷ Evans A. J. Op. cit. Pls. IV.9–11; V.3–4; VI.1–7, 12; VII.7–8; VIII.1–3.

пья⁸. На монетах последней трети II в. до н. э. имеется изображение конника в мускульном панцире, но без щита и шлема, который, скача на галопирующем коне, бросает короткий дротик⁹.

Если обратиться к рассмотрению оружия тарентинских всадников на монетах, то видно, что оно состояло из короткого дротика или более длинного копья и щита. Даже если всадник показан обнаженным во время спортивной вольтижировки, то обычно спортивное снаряжение и часто само упражнение было аналогичным боевому. Асклепидот просто именуется оружие тарентинцев видовым наименованием «дротик» (*οἱ δὲ ακούτιος μάχονται* – *Tact.* I.3), Элиан и Арриан более конкретно называют это оружие «доратионом» (*δοράτιον* – *Asclep. Tact.* 1.3; *Ael. Tact.* 2.8–9; *Arr. Tact.* 4.5–6). «Суда» так объясняет значение этого слова: «доратион – это маленькое копьё» (*s. v. δοράτιον*; ср.: *Hesych. s. v. h. l*). Следовательно, это оружие было длиннее обычного дротика, но короче копья, которое и использовали тарентинцы.

Хотя в «Тактиках» щит считается оружием только конных копьеносцев-неметателей (*Asclep. Tact.* 1.3; *Ael. Tact.* 2.12; *Arr. Tact.* 4.4), но ношение щита всадниками было италийской особенностью, которую, видимо, не учитывали составители трактатов в своих теоретических схемах разделения конницы. Возможно также, что эллинистические (неиталийские) тарентинцы перестали использовать щит. Круглый щит на монетах Тарента показан двух видов: небольшой и крупный гоплитского типа¹⁰. Первый вид щита всадники использовали вместе с одним или двумя дротиками. Конник с таким вооружением, кажется, представлял собой бойца, сражавшегося издали, тогда как всадник с большим щитом и тремя копьями, скорее всего, являлся в древних «Тактиках» «легким всадником», который мог сражаться как издали, так и вблизи. Т. Эверсан даже предположил, что бронзовый щит македонского типа диаметром 33,8 см, найденный в Олимпии¹¹, мог использоваться тарентинцами или критскими лучниками. Однако это оружие датируется рубежом V–IV вв. до н. э. и вряд ли могло быть использовано конными метателями, появившимися у балканских греков позднее¹². Данное предположение логичнее было бы отнести к македонскому щиту из Вероги диаметром 37,6 см (конец IV – начало III в. до н. э.)¹³. Сложнее атрибутировать изображенных на монетах наездников в шлеме с гоплитским щитом, вооруженных двумя копьями. Они могли быть просто щитоносной конницей, однако она в Италии обычно имела одно копьё. Возможно, они также были «легкими всадниками», упоминаемыми в «Тактиках». Эти «легкие всадники», переходящие к

⁸ *Evans A. J. Op. cit. Pls.* VI.10; VII.11–12.

⁹ *Ibid. Pl.* X.3, 12.

¹⁰ *Ibid. Pls.* II.6–8, 10; III.9, 14; IV.7, 9–11; V.3; VI.1–7, 10, 12; VII.4–10, 13; VIII.1–3, 11–12; IX.6, 9–10, 13; XI.5, 8, 14.

¹¹ Щит из Олимпии: *Liampi K. Der makedonische Schild.* Bonn, 1998. S. 53–54, Taf. 1.3.

¹² *Everson T. Warfare in Ancient Greece: Arms and Armour from the Heroes of Homer to Alexander the Great.* Stroud, 2004. P. 196–197, 200.

¹³ Щиты см.: *Liampi K. Op. cit.* S. 51, 53–54, Taf. 1, 1; 3.

бою врукопашную, судя по монетам, появились позднее метателей, возможно, представляя дальнейшее развитие конницы¹⁴.

Французский антиковед Б. Хелли, рассматривая реформы Ясона Ферского и увеличение численности его армии, считает, что тарентинцы появились в Фессалии уже в первой половине IV в. до н. э.¹⁵ Хотя Ясон привлекал к себе для службы наемников, но по большей части, это были пехотинцы-гоплиты, в качестве которых Фессалия уступала другим греческим государствам, тогда как наемными всадниками Ясона, скорее всего, не были италийские греки (Xen. *Hell.* VI.1.5–6; 4.28). Ведь подробное описание Ксенофонтom (*Hell.* VII.1.20–21) образа действия верховых метателей сиракузского тирана Дионисия I в 369 г. до н. э. свидетельствует об их необычности для греков. А ведь сам Ксенофонт неплохо знал фессалийскую конницу и встречался с ней на поле боя, будучи в армии Агесилая (Xen. *Ages.* 2.2–5).

Впервые в письменных источниках мы встречаем весьма значительное количество тарентинцев – 2 300 всадников – в армии Антигона I Одноглазого в битве при Паретакене в 317 г. до н. э. (Diod. XIX.29.2). Позднее, в конце IV–II вв. до н. э. они регулярно упоминаются в армиях Антигона I и Деметрия I (Diod. XIX.29.5; 39.2; 42.2; 82.2; Polyaeu. III 7.1), Антиоха III (Polyb. XVI.18.7; Liv. XXXVII.40.13); в ахейских, спартанских (Polyb. XI.12.6; 13.1; Liv. XXXV.28.8), элейских (Polyb. IV.77.7), афинских (IG. II², 958, 1. v. 56–57; 960, 1 v. 33; 961, ll. vv. 34–35; 2975), беотийских (IG. VII.2466) и фессалийских (IG. IX.2.509, ll. vv. 5–6) войсках.

Как уже отмечалось, само название конницы указывает на ее происхождение из Тарента. Диодор не случайно пишет о «тарентинцах, пришедших с ним [Антигоном Одноглазым] от моря» в Азию (XIX.29.2). Хотя Г. Гриффит предполагает, что они пришли к Антигону в Азию, будучи набранными на малоазиатском побережье¹⁶, однако, скорее всего, это не так. Поскольку в армии Александра не было этого вида конницы, а его верховые дротикометатели, появившиеся в Гиркании, явно были не тарентинцами, а иранцами (Agt. *Anab.* III.24.1)¹⁷, то тарентинцы, очевидно, появились в Восточном Средиземноморье уже после окончания экспедиции Александра. К 317 г. до н. э. данный тип конницы вряд ли был уже настолько распространен, чтобы выставить 22 300 всадников. Возможно, Диодор в данном пассаже говорил о «тарентинцах» именно как о жителях Тарента, а не о типе легкой конницы. Скорее всего, это были наемники из Тарента, а поскольку для полуса такое число всадников покрывает большую часть имевшейся у него конницы, то, возможно, уже среди них были не только собственно тарентинцы, но и воины из других южноиталийских местностей. Вспомним, что позднее в битве при Аускуле (279 г. до н. э.) Пирр по-

¹⁴ Sekunda N. V. Op. cit. P. 20.

¹⁵ Helly B. L'État thessalien: Aeuas le Roux, les tétrades et les tagoi. Lyon, 1995. P. 249.

¹⁶ Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Camb., 1935. P. 247.

¹⁷ Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. München, 1926. Bd. 1. S. 151; Tam W. W. Alexander the Great. Camb., 1950. Vol. 2. P. 163; Шофман А. С. К вопросу о генезисе эллинистических армий (*антиагма*) // ВДИ. 1987. № 3. С. 145–146.

ставил на своем правом фланге наемную конницу тарентинцев, тогда как левом – собственно тарентинскую (Dion. Hal. Ant. Rom. XX.1.3), что говорит об их идентичности.

В течение III–II вв. до н. э. тарентинцы становятся весьма распространенным видом конницы. Вероятно, вначале они действительно были наемными воинами-профессионалами (ср.: Polyb. XI.13.3), а уже затем стали набираться из местного населения. Бесспорно, римское завоевание, разоружение и постанковка Тарента под римский контроль после Пирровой войны, а затем окончательная потеря им свободы во время войны с Ганнибалом (Strabo. VI.3.4) не могли не способствовать прекращению потока наемников из самого Тарента¹⁸. Наименование «тарентинцы» становится псевдо-этнонимом безотносительно места набора воинов. Как полагают на основании текста Полибия (IV.77.7), в Элиде тарентинцы набирались из гражданского населения уже в 218 г. до н. э.¹⁹ То же самое было и в Афинах в середине – второй половине II в. до н. э. (IG. II², 958, ll. vv. 56–59) и, видимо, в Фессалии, где тарентинарх родом из Ларисы, упоминается в одной из надписей (IG. IX.2.509, ll. vv. 5–6).

Об организации отрядов тарентинцев у нас практически нет данных. В «Тактиках» мы обнаруживаем стандартное подразделение для конницы – «тарентинархию». Она насчитывала 256 конников и состояла из двух эпилархий, каждая из которых состояла из пары ил по 64 всадника. В свою очередь, две тарентинархии составляли гиппархию из 516 верховых (Asclep. Tact. 7.11; Ael. Tact. 20.2; Arr. Tact. 18.2–3; Suda. s. v. ἐφιππιῶν ὀνόματα). Поскольку название данного подразделения попало в теоретические «Тактики», то, очевидно, такое количество всадников в подразделении, как и его наименование, было достаточно распространенным. Считается, что тарентинцы действительно первоначально были организованы в отряды по 256 всадников и сражались в таких подразделениях уже во время италийской кампании Александра Эпирского в 334–330 гг. до н. э.²⁰ Однако, если обратится к историческим источникам, говорящим о численности отрядов тарентинцев, мы обнаружим следующую картину. В битве при Паретакене крайними на правом фланге армии Антигона Одноглазого стояли 100 тарентинцев, основная масса же, 22 200 всадников, находилась на левом фланге (Diod. XIX.29.2; 5). Поскольку рядом с тарентинцами находились илы «пажей» по 50 человек в каждой, то можно полагать, что отряд из сотни всадников также являлся базовым подразделением тарентинцев. Позднее Антигон послал для захвата пасущихся слонов Эвмена 200 тарентинцев и еще мидийских всадников с легкой пехотой (Diod. XIX.39.2). Очевидно, речь шла о двух подразделениях тарентинцев по 100 всадников в каждом. В битве при Газе (312 г. до н. э.) сын Антигона Деметрий вне крыла поставил три илы тарентинцев, что со-

¹⁸ Wuilleumier P. Op. cit. P. 139–140, 167–168.

¹⁹ Griffith G. T. Op. cit. P. 247; Wuilleumier P. Op. cit. P.667.

²⁰ DeVoto J. D. (trans.). Flavius Arrianus. ΤΕΧΝΗ ΤΑΚΤΙΚΗ (Tactical Handbook) and ΕΚΤΑΞΙΣ ΚΑΤΑ ΑΛΑΝΩΝ (The Expedition against the Alans) / Trans. and ed. by J. D. DeVoto. Chicago, 1993. P. 96. Note 6.

ставило 100 всадников (Diod. XIX.82.2). Следовательно, в одной иле было примерно по 30 всадников, что по численности напоминает италийскую турму, которую, кстати, Полибий именует «илой» (VI.25.1). Можно предположить, что, как и римская турма, отряд примерно из 30 всадников был тактической единицей тарентинцев. Три таких отряда объединялись в подразделения из 100 всадников, а два таких отряда составляли другой отряд в 200 конников. Было бы заманчиво посчитать, что на левом фланге армии Антигона при Паретакене стояло 11 отрядов по 100 всадников. Позднее, когда тарентинцы стали регулярной конницей греческих государств и эллинистических монархов, организация отрядов могла измениться. Тогда и появился отряд из 256 всадников.

Тарентинарх, если следовать логике «Тактик», дающих название начальнику по наименованию подразделения, которым он командует, должен быть командиром лишь тарентинархии (Ael. *Tact.* 20.2; Agg. *Tact.* 18.3). Однако в реальности дело обстояло не так. В Фессалийском союзе и в Феспиях (Беотия) он был командиром всех тарентинцев, тогда как в Афинах было два тарентинарха²¹.

О способе действий тарентинцев на поле боя нас информируют «Тактики» Арриана и Элиана. Сообщение первого более подробно (Agg. *Tact.* 4.6): «Тарентинцами называются те, которые ведут дальнюю перестрелку дротиками (δρατίους). Некоторые из этих тарентинцев используют дротик для перестрелки либо только находясь поодаль, либо разъезжая на конях по кругу. Именно они и есть настоящие (εἰλικρινεῖς) тарентинцы. Другие же, сперва метнув дротик, вступают затем с врагом в рукопашный бой. Или даже оставляют копье (δόρυ), которое у них было, или используют спату (σπάθη): такие называются «легкими [всадниками]» (ἐλαφροί)».

Рассказ Элиана лишь немного отличается в деталях (*Tact.* 2.13): «Дротиками (δρατίους) пользуются те, которые называются «тарентинцами». Есть два вида (διαφοραί) тарентинцев. Одни, те, кто бросают издалека, называются «конными дротикометатели» (ἵππακοιτίσταί), которые, собственно говоря, и зовутся «тарентинцами». А другие тарентинцы используют легкие дротики (ἐλαφροῖς δρατίους χρώνται); они, раз или два предварительно метнув копье, вслед за этим вступают с врагом в рукопашный бой. Они сражаются вблизи почти так же как вышеназванные копьеносцы (δρατοφόροι). Такие называются «легкими [всадниками]» (ἐλαφροί)».

Итак, собственно «тарентинцы» действуют типично для верховых метателей. Они производят обстрел врага, находясь на безопасном расстоянии, или же подъезжают к неприятельскому строю и используют метательное оружие, поворачивая коня назад, по существу, действительно скача «по кругу». Отъехав на безопасное расстояние, они могли пополнить боезапас, прийти в себя и опять пойти в атаку, делая еще

²¹ Martin A. Equites. Grèce // Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments. 1892. T. 2. Pt. 1 P. 770; Wuilleumier P. Op. cit. P. 668; Feyel M. Polybe et l'histoire de Béotie au III-e siècle avant notre ère. P., 1942. P. 200.

один круг. Тарентинцы-«легкие всадники» действовали, согласно «Тактикам», по-другому: сначала в ходе сражения они метали одно или даже два копья, после чего переходили врукопашную с врагом, используя оставшееся копьё или меч. Так, в 208 г. до н. э. в битве при Мантинее между спартанской и ахейской армиями тарентинцы и легковооруженные сражались то в массовом бою, то один на один (Polyb. XI.13.2). Возможно, в данном случае подразумевается как раз этот последний вид тарентинцев.

О стратегическом и тактическом использовании тарентинцев свидетельствуют упоминания об их расположении на поле боя. Тарентинцы ставятся вне фланга для прикрытия слабого левого крыла тяжелой конницы (Diod. XIX.82.2), перед центром боевого порядка наряду со слонами, сопровождаемые легкой пехотой, для завязки боя (Polyb. XVI.18.7). Филопмен посылает их напасть на катапульты, выставленные перед фронтом армии спартанского тирана Маханида, также высланного своих тарентинцев, которые начинают сражаться друг с другом. Причем по мере боя к всадникам присоединялись и пешие дротикометатели (Polyb. XI.12.4–13. 3; Plut. *Philop.* 10.4). Антигон Одноглазый посылает тарентинцев вместе с мидийским всадниками в обход вражеского фланга для захвата обоза Эвмена, расположенного в тылу последнего (Diod. XIX.42.2–3); они охраняют вместе с критскими лучниками войско при разбивке лагеря (Liv. XXXV.28.8–9), а также водоносков (XXXV.29.1); преследуют убегающих (Polyaen. III.7.1); их посылают вместе с критскими лучниками против конницы врага, потерявшей строй (Plut. *Agis et Cleom.* 27.4); они весьма искусны в засадах (Diod. XIX.29.2). В целом, перед нами типичная легкая конница, основная задача которой – защищать и прикрывать всю армию или менее мобильные подразделения. Как заметил французский генерал легкой кавалерии Ф. де Брак, легкие всадники окружают вражескую армию бдительной «сетью», утомляют неприятеля, нанося ему удары²².

Ливий сообщает, что у тарентинцев было по два коня. В частности он говорит: «каковых называли тарентинцами, всадниками, ведущими с собой двух коней» (XXXV.28.8). Хотя данный пассаж подчас рассматривают как неверное понимание Ливием своего источника, Полибия²³, но, кажется, нет весомых оснований так считать. Ливий специально поясняет, что тарентинцами «называли» всадников с двумя конями, то есть источник указывает на их особенность (по сравнению с обычными всадниками) использовать заводного коня. Италия, в целом, была богаче конями, нежели Греция, и два коня у всадника тут не такая уж редкость. Вспомним хотя бы римских архаических всадников с двумя конями (Gran. Licin. p. 5; Fest.

²² Брак Ф. де. Аванпосты легкой кавалерии // Военная библиотека. СПб., 1872. Т. 8. С. 480.

²³ Martin A. Les cavaliers athéniens. P., 1886. P. 423; Griffith G. T. Op. cit. P. 248–249; Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. P., 1949. T. I. P. 604; ср.: Wuilleumier P. Op. cit. P. 187–188.

221 М). Одним из аргументов в определении ошибки Ливия о двуконных тарентинцах может считаться то, что они числятся в «Тактике» Арриана среди обычных всадников, а не среди амфиппов – конников с двумя конями. Впрочем, это может говорить, с одной стороны, о нераспространении обычая скачки о двуконь в греческой ойкумене, а с другой, – хотя это и менее вероятно, – о том, что тарентинцы не перескакивали на ходу с одного коня на другого, как амфиппы, а пересаживались путем спешивания. На монетах Тарента первой половины IV в. до н. э. можно увидеть едущего на двух конях всадника-триумфатора, над которым летит Ника, держащая венок²⁴.

Итак, тарентинцы как тип конных метателей широко распространились у греков в III–II вв. до н. э. В Феспиях в середине III в. до н. э. на четырех илархов, командиров обычной конницы, приходился один тарентинарх²⁵, то есть можно определить, что около пятой части всей конницы приходилось на тарентинцев. Существует даже предположение, что в Афинах с середины II в. до н. э. вся конница состояла из тарентинцев²⁶. Подобное распространение можно объяснить тем, что, во-первых, изменилась система набора и тарентинцы стали комплектоваться не из жителей Тарента, а из местного населения и/или наемников. Само же вооружение греческих всадников в течение III в. до н. э. приблизилось к вооружению тарентинцев-«легких» всадников, ведь эллинские конники получили щит и при этом продолжали сражаться, используя метательное оружие, иногда при необходимости переходя к бою врукопашную, то есть они по своим тактическим задачам стали напоминать «легких всадников». Однако наличие большого кавалерийского щита резко выделяло обычных всадников от «легких». С исчезновением независимых греческих государств и упадком их военной системы, исчезает и конница тарентинцев, как отдельный род войск.

ALEXANDER K. NEFEDKIN (ST. PETERSBURG) TARENTINES' CAVALRY IN THE HELLENISTIC ARMIES

The Tarentines' cavalry had Italian origins since the mid-V B. C. They were armed with javelins and shields. In theoretical *Tacticae* of Aelian and Arrian the Tarentines were light cavalry employing long-distance fighting. During the campaign, the Tarentines played the role of a real light cavalry. For first time, in historical sources the Tarentines

---

²⁴ Evans A. J. Op. cit. Pl. III, 7–8; Wuilleumier P. Op. cit. P. 188.

²⁵ Feyel M. Op. cit. P. 200.

²⁶ Martin A. Op. cit. P. 221, 422; Griffith G. T. Op. cit. P. 248.

appeared in Antigonus Monophtalmus' army in 317 B. C. (Diod. XIX. 29. 2). During the end of the IV-II B. C. the Tarentines were quite common in the Hellenistic world. The body of the Tarentines was divided into the detachments of 100 cavalrymen and the latter into three detachments, each of them had about 30 horses. A Tarentine might have two horses (Liv. XXXV.28.8).